УДК 101.1:316

DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.103-107

ГЛУШКО Ирина Васильевна,
кандидат философских наук, доцент

GLUSHKO Irina Vasil'evna,
Candidate in Philosophy, Associate Professor,

АНГАЖИРОВАННОСТЬ НЕДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ENGAGEMENT OF DISTRUST UNDER THE CONDITIONS OF TRANSITIVE SOCIAL RELATIONS

Статья посвящена анализу отношений доверия и недоверия в рамках изменяющегося социума. Данная проблематика задается тем, что недоверие есть диалектически связанная с доверием форма социальных отношений, актуализирующаяся в современном обществе. Целью данной работы является выявление возможности социально-философского «оборачивания» доверия и определения статуса недоверия как результата транзитивных социальных практик и инструмента их исследования. Показано, что ситуационная дихотомия «доверие-недоверие» обусловлена сомнением, подозрением, отсутствием уверенности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможность такого нарушения, создавая «заградительные» барьеры в виде формальных и институциональных структур. Недоверие есть блокиратор опасности нарушения доверия, когда доверие является частью нормативного порядка. Чем сложнее устроено общество, тем более сложными становятся барьеры и границы доверия, «оборачивающие» его в недоверие. Представлена типология формализованных и неформализованных барьеров и границ доверия (априорного недоверия). С одной стороны, эти формы и институты выполняют охранительную функцию и подкрепляют доверие; с другой – очерчивают границы доверия и выступают как его оппоненты.

The article analyzes the relationship of trust and distrust within a changing society. Distrust is a form of social relations dialectically related to trust and is actualized in today's society. The aim of the article is to identify opportunities for socio-philosophical «reversal» of trust and determine the status of distrust as a result of transitive social practices and a tool of research. It is shown that the situational dichotomy of «trust-distrust» is caused by doubt, suspicion, and lack of confidence. Society, being *a priori* certain that the social order can be broken, blocks in advance the possibility of such violations and creates «barriers» in the form of formal and institutional structures. Distrust is a blocker of the violation of trust when the trust is a part of the normative order. The more complex is the society's structure, the more complex become barriers and boundaries of trust, «reversing» it into it in distrust. The article presents the typology of formalized and non-formalized barriers and boundaries of trust (distrust *a priori*). On the one hand, these forms and institutions have a protective function and strengthen the trust; on the other hand they outline the boundaries of trust and act as its opponents.

Ключевые слова: ангажированность; доверие; имитация; недоверие; оборачивание; отчуждение; превращенная форма; псевдодоверие; транзитологическая схема.

Key words: engagement; trust; imitation; distrust; turn round; alienation; transformed form; pseudo-trust; transitological scheme.

Для того чтобы проанализировать эволюцию отношений доверия в условиях транзитивных социальных отношений, в качестве объяснительного концепта мы будем использовать концепт вовлеченности/ангажированности. «Ангажемент» – слово французского происхождения. Концепт ангажированности, как полагают исследователи, сформировался «внутри французской интеллектуальной традиции» (Ж. Сартр) [1, с. 7] и не был «достоянием российской гуманитарной науки» [2, с. 21]. На русский язык термин «ангажированность» переводят как «вовлеченность», «причастность», имея в виду сознательно выбранную социальную позицию, момент сознательного участия. Быть ангажированным – значит быть вовлеченным, занять позицию. В контексте нашего исследования ангажированность недоверия означает его сознательную вовлеченность в социальные отношения, что определено ситуацией и зависит от особенностей участников доверительных отношений. В данном случае имеется в виду ситуация использования накопленного опыта социального взаимодействия. Ситуация срабатывает таким образом, что позиция недоверия сознательно выбирается, исходя из личного практического опыта, полученного индивидом. Данный опыт порождает ситуацию сознательного отказа от доверительных отношений и выдвижение требований дополнительных гарантий для осуществления социальных отношений, и эти требования публично выражены. Речь идет о том, что в ходе трансформации социальных отношений расширяется многообразие разновидностей доверия, происходит дифференциация его акторов, трансформация целей и задач доверительных отношений. Некоторые разновидности доверия существуют в смежных, родственных феноменах, имеющих индивидуально-личностную психологическую природу (вера, доверчивость, уверенность и др.), а также в «превращенных» формах.

Обратимся подробнее к этим «превращенным» формам доверия.

«Новая философская энциклопедия» объясняет словосочетание «превращенная форма» как «продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями». Особенность превращенной формы состоит в том, что она как форма проявления «получает самостоятельное "сущностное" значение, обособляется, и содержание

заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы ... и становится на место действительного отношения», выступая как «индивидуально-цельный элемент самой же системы». Автор статьи М.К. Мамардашвили подчеркивает, что понятие превращенной формы плодотворно «... в т.ч. при выявлении условий *отчуждения* (*авторский курсив*) в культуре и т.п.» [3].

В данном случае такой «превращенной формой доверия» является недоверие. Так, индивид, заключивший брак и затем побывавший в ситуации его расторжения и имущественных споров с супругом (супругой) по поводу раздела имущества, в случае повторной ситуации заключения брака, видимо, задумается над гарантиями сохранения своего имущества и прибегнет к оформлению брачного контракта. Еще один характерный пример – система страхования, в том числе банковского – страхование вкладов, поручительство при кредитовании, призванное свести к минимуму банковские риски. Клиент банка соглашается с институтом поручительства, будучи заинтересованным в кредите. Можно сказать, что обе стороны – и банк, и клиент – в определенной степени строят отношения на доверии, но страхуют риски с помощью дополнительных институтов, таких как залог или поручительство. Мы видим, что недоверие здесь получает формальный статус. Приходя учиться в вуз, абитуриент совсем не уверен в том, что по его окончании он получит интересную, достойно оплачиваемую работу в соответствии с полученным дипломом. Тем не менее, он выбирает обучение в данном вузе. В данном случае доверие, основанное на интересе к будущей профессии и заинтересованности в ней, снова сочетается с недоверием в форме неуверенности.

Такие примеры наглядно показывают, что в современном обществе складывается новая конфигурация отношений между субъектом и объектом доверия, когда отношения доверия *опосредованы недоверием*. Здесь возникает ситуационная дихотомия «доверие-недоверие», обусловленная сомнением, подозрением, отсутствием уверенности. Эта дихотомия требует, на наш взгляд, более пристального исследовательского внимания [4].

Рассмотрение амбивалентной природы социальных конструктов вообще очень плодотворно в исследовании широкого спектра социальной проблематики, например в анализе властных отношений [5] или даже такой отвлеченной проблемы, как проблема трансцендентного [6].

Приведем еще один пример. Появление некоторых социальных институтов, например сертификации и проверки подлинности товара, вызвано их ролью как посредников между доверием (необходимостью завоевать его со стороны производителя) и недоверием (со стороны потребителей и контролирующих организаций) в связи с участвовавшими практиками фальсификации и обмана потребителей на рынках тех или иных товаров.

В данных примерах недоверие можно рассматривать как опосредующий «механизм» построения доверительных социальных отношений, как выработанную в условиях транзитивных социальных практик особую – превращенную форму доверия, что и определяет социальную вовлеченность/ангажированность недоверия в условия изменяющейся социальной реальности. Недоверие в социальных отношениях может принимать различные формы и проявляться как подозрительность, подозрение, сомнение, скептицизм, недостаток доверия, вынужденное доверие, недоверчивость, неуважение, вражда, изоляционизм, вера (как антипод доверия), неверие как антипод веры и как крайняя форма недоверия.

На наш взгляд, наиболее сложные формы проявления недоверия, характерные для изменяющихся социальных отношений, – это отчуждение и псевдодоверие. В данном случае недоверие может быть исследовано с помощью концепта отчуждения. В философии категория «отчуждение» выражает «такую объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия» [7].

Мы полагаем, что в транзитивных социальных отношениях фиксируется связь между отчуждением и недоверием, а именно: недоверие есть одно из состояний, ведущих в сторону становления разнообразных форм отчуждения и его проявлений в современном обществе, как таких явлений, которые препятствуют взаимодействию субъекта и объекта доверия (индивида и власти, индивида и общества, индивидов, социальных общностей и групп между собой).

Трактовку отчуждения как формирующегося и развивающегося в рамках исторического процесса социального феномена мы находим в работах Е.Д. Шетуловой. Используя диалектико-логический метод обращения, автор трактует отчуждение как *оборачивание*, суть которого состоит в своеобразной перемене (перевороте) ролей, когда первичное становится вторичным, а вторичное – первичным. Далее автор отмечает в современном российском обществе такие формы отчуждения, как экономическое отчуждение, проявляющееся в изученной еще К. Марксом форме отчуждения труда; социально-политическое отчуждение (большинства граждан от

политической власти, возрастание числа тоталитарных, деструктивных сект, мифологизация сознания); нравственное отчуждение (рост преступности и форм девиантного поведения); отчуждение в духовно-психической сфере как рост алкоголизма, наркомании, самоубийств, в том числе среди детей и подростков [8].

Можно добавить, что крайним результатом замкнутости, скрытности, недоверия при прекращении или резком сокращении социальных контактов и общения с людьми является социальная самоизоляция в формах нарушения социальных и психологических связей, когда происходит отчуждение индивида или социальной группы от других индивидов, социальных групп или общества в целом.

Используя концепт «отчуждение», можно сказать, что превращенные формы доверия выступают как продукт превращения внутренних отношений сложной системы доверия под влиянием социума и получают самостоятельное существование. Другими словами, поскольку добиться доверия во всех его формах и на всех уровнях (экономическом, социально-политическом и др.) становится намного сложнее, происходят процессы «оборачивания» (своеобразной перемены, переворота) доверия в недоверие. Недоверие, распространяясь в современном обществе, приобретает не только неформальные, но и формальные и институциональные черты. Для их выявления и исследования следует рассматривать доверие-недоверие в качестве нормативной модели социального взаимодействия, поскольку появление в ходе стихийного социального взаимодействия социальных норм и правил является одним из начальных этапов институционализации.

Социолог Л. Гудков дает нормативную характеристику доверия, рассматривая его «в составе общего набора институциональных и групповых норм поведения», за несоблюдение и нарушение которых следуют социальные санкции. *Формализация доверия*, как пишет автор, предполагает появление различных формализованных барьеров и границ доверия (априорного недоверия), условно разделяющих пространства доверия и недоверия, где «барьеры – это фиксированные ритуалы недоверия (бдительности, проверки, сомнения), отмечающие рост социальной и антропологической неопределенности в ситуациях перехода от одной зоны доверия к другой» [9, с. 20–21].

Основываясь на работе Л. Гудкова «"Доверие" в России: смысл, функции, структура», мы представляем разнообразие более или менее *формализованных барьеров и границ доверия* (априорного недоверия) в виде следующей *типологии*: 1) процедурные формы-фильтры: процедуры проверки, допусков, подписок о неразглашении служебной и коммерческой тайн, тайна служебной переписки с различными грифами секретности и пр.; 2) документальные формы-фильтры: разного рода документы, такие как паспорта, сертификаты, пропуска, удостоверения и т.п., указывающие на кодификацию правил различения «своих» и «чужих», норм институционального поведения (включая и санкции за нарушение); 3) институционализированные формы: специализированные службы контроля, проверки, безопасности и охраны; меры по защите от подделок (денег, финансовых или наследственных документов) и соответствующие службы разного уровня; 4) специализированные институты социального недоверия и легального насилия: КГБ, ФСБ, МВД, генпрокуратура и т.п.).

Данная типология дает основания для того, чтобы сделать следующий промежуточный вывод.

Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности такого нарушения, создавая «заградительные» барьеры в виде формальных и институциональных структур. Недоверие, таким образом, есть блокиратор опасности нарушения доверия, когда доверие является частью нормативного порядка. Чем сложнее устроено общество, тем более сложными становятся барьеры и границы доверия, «оборачивающие» его в недоверие. В современном обществе происходит увеличение количества и разнообразия формализованных и институционализированных барьеров и границ, что напрямую свидетельствует об усилении социальной тревожности и росте отношений недоверия. Кроме отмеченных выше формализованных, возникают также более сложные и многообразные *неформализованные (немаркированные и строго не фиксируемые) барьеры и границы доверия*, которые образуются в зонах игры на модусах «своих» и «чужих», свидетельствующей об усложнении, а именно – антиномичности социальных взаимодействий, когда двоемыслие, сочетания формального и неформального, демонстративного и практического поведения *возводятся* в социальную норму.

Поясним, что в данном случае означает дихотомия «свои-чужие». Сеть «свои», «наши» составляют люди, которые входят в круг «ближнего доверия» – родственники и друзья, которым можно доверять и на чью помощь, моральную и материальную поддержку можно рассчитывать в случае трудной жизненной ситуации. Но круг «своих» также расширяется за счет других людей, имеющих доступ к таким дефицитным ресурсам сетевых связей и отношений, как квалифицированная медицинская помощь, жилье, престижное образование, хорошая работа, освобождение от армии или уклонение от других обязанностей. На таких людей распространяются

нормы солидарности и взаимной ответственности. С другой стороны, к «чужим» относятся «не свои», то есть те, на которых эти отношения и нормы не распространяются. Распространение доверия на сетевое сообщество предполагает недоверие по отношению ко всему, что выходит за пределы его границ. Именно так в советском и постсоветском обществах формировалось так называемое «псевдодоверие», представляющее собой суррогат, замещающий отношения доверия различными вариантами «игр на модусах своих и чужих», когда доверие принимает форму «помощи», «услуги», обесценивающих нравственные доминанты полноценного доверия, в основе которых лежат высшие, подлинно человеческие ценности – вера, надежда, любовь, дружба.

В современном обществе вышеупомянутые «социальные игры» приобретают новые, уже неформализованные и неинституциональные формы. Одну из таких форм характеризует Ж.Т. Тощенко, который пишет о процессах, отражающих «подмену деятельности во всех ее проявлениях имитацией...», которая во все большей мере пронизывает буквально все сферы жизни общества: и политику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь». Имитация в понимании данного автора – это «подделка, правдоподобие, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности» [10, с. 23].

Механизмы появления и использования имитации включают ее формы и методы, среди которых автор называет следующие: демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением людей, иллюзии, перформанс.

В результате «базовое» доверие к миру, характерное для начальных фаз социализации личности, постепенно нейтрализуется и замещается негативным опытом «социальных игр», связанных с практикой использования таких замещающих продуктивную социально-практическую деятельность форм, как социальная мимикрия (защитное приспособление к окружающим), откровенная ложь, лицемерие, имитация, что способствует трансформации сущности и содержания доверия в дихотомию «доверие-недоверие», для теоретической характеристики которой подходит используемое Ж.Т. Тощенко понятие «кентаврического феномена», или «кентавр-проблемы», как особой формы противоречий, особого проявления парадоксов, такого состояния сознания (и знания), которое отражает сочетание несочетаемого [11].

Итак, поскольку добиться доверия во всех его формах и на всех уровнях (экономическом, социально-политическом, социокультурном и др.) становится намного сложнее, происходит «оборачивание» доверия в недоверие, которое «выросло» на той почве, которая ранее была почвой доверия, и достаточно стремительно вытесняет доверие, приобретая нормативные черты. Так выстраивается *транзитологическая схема* эволюции доверия в недоверие. В данном случае недоверие можно определить как опосредующий «механизм» построения социальных отношений, выработанную в условиях транзитивных социальных отношений *особую – превращенную форму доверия*, что и определяет социальную вовлеченность/ангажированность недоверия в условия изменяющейся социальной реальности, представляя недоверие как сознательно выбранную позицию. Поэтому дальнейший перспективный социально-философский анализ требует рассмотрения не просто доверия, а диалектической дихотомии «доверие-недоверие», которая может продуктивно использоваться для исследования функционирующих и реализующих взаимоотношения субъекта и объекта доверия-недоверия социальных практик современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова / Пер. с фр. – Минск: Попурри, 1999. – 448 с.
2. Неменко Е.П. Проблема социальной вовлеченности/ангажированности художника в версиях французской социологии культуры: дисс. ...канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2014. – 148с.
3. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL:<http://iph.ras.ru/elib/3258.html> (дата обращения 28.11.2014).
4. Глушко И.В. Понятийная дихотомия «доверие-недоверие» в контексте мультиметодологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6: В 2-х ч. Ч. II. – С. 53–56.
5. Зуева Т.М., Шкилева Е.М. Методологические постулаты социального конструктивизма в анализе властных отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 267–270.
6. Лаврухина И.М. Понятийные оппозиции в обсуждении проблемы трансцендентного // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 1. – С. 2–6.
7. Лапин Н.И. Отчуждение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL:<http://iph.ras.ru/elib/3258.html> (дата обращения 24.11.2014).

8. Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: дисс... докт. философ. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 310 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/> (дата обращения 27.11.2014).
9. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2. – С. 8–47.
10. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 23–35.
11. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. – М.: Новый хронограф, 2011. – 552 с.

REFERENCES

1. Jean-Paul Sartre. What is Literature? Words. [Chto takoe literatura? Slova]. Minsk: Popurri, 1999, 448 p.
2. Nemenko E.P. The problem of social involvement / engagement of the artist in the French version of the sociology of culture [Problema sotsial'noy vovlechnosti/angazirovannosti khudozhnika v versiyakh frantsuzskoy sotsiologii kul'tury], diss. Cand. filosof. Ekaterinburg, 2014, 148 p. (in Russ.).
3. Mamardashvili M.K. Form turned [Forma prevrashchennaya]. New Encyclopedia of Philosophy: in 4 volumes. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/3258.html> (accessed 28 November 2014).
4. Glushko I.V. Conceptual dichotomy of «trust-distrust» in the context multimetodologii [Ponyatiynaya dikhotomiya «doverie-nedoverie» v kontekste mul'timetodologii]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and Practice*, 2012, no 6. At 2 h. CH.II, pp. 53–56. (in Russ.).
5. Zueva T.M., Shkilyova E.M. CONCEPTUAL POSTULATES OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM APPLIED IN EXPLORING POWER-HOLDING RELATIONS [Metodologicheskie postulaty sotsial'nogo konstruktivizma v analize vlastnykh otnosheniy]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl – Historical and Social Educational Ideas*, 2014, no 3, pp. 267–270. (in Russ.).
6. Lavrukhnina I.M. Conceptual opposition in discussing the problem of transcendental [Ponyatiynye oppozitsii v obsuzhdenii problemy transtsendentnogo]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki – Humanitarian and socio-economic sciences*, 2008, no 1, pp. 2–6 (in Russ.).
7. Lapin N.I. Alienation [Otchuzhdenie]. New Encyclopedia of Philosophy: in 4 volumes. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/3258.html> (accessed 24 November 2014).
8. Shetulova E.D. Socio-philosophical analysis of alienation in the historical process [Sotsial'no-filosofskiy analiz otchuzhdeniya v istoricheskom protsesse], diss. Doctor. filosof. Nizhniy Novgorod, 2010. 310 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/> (accessed 27 November 2014).
9. Gudkov L. "Trust" in Russia: the meaning, function, structure [«Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya – Bulletin of public opinion*, 2012, no 2, pp. 8–47. (in Russ.).
10. Toshchenko Zh.T. New faces activities: Imitation [Novye liki deyatel'nosti: imitatsiya]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological studies*, 2012, no 12, pp. 23–35. (in Russ.).
11. Toshchenko Zh.T. Centaur problem. Experience philosophical and sociological analysis [Kentavr-problema. Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza]. Moscow, *The new chronograph*, 2011. 552 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Глушко Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры истории, философии и политологии, Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВПО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде.
Зернограде, Россия
akademus07@rambler.ru

Получена: 02.04.2015

Information about the author

Glushko Irina Vasil'evna, Candidate in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Chair of History, Philosophy and Political Science, the Azov-Black Sea Engineering Institute, «The Don State Agrarian University»,
Zernograd city, Russian Federation
akademus07@rambler.ru

Received: 02.04.2015